

© 1998 г., ЭО, № 1

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА В.А. ТИШКОВА «О ФЕНОМЕНЕ ЭТНИЧНОСТИ»*

Т.С. Гузенкова. Принимая участие в обсуждении доклада В.А. Тишкова «О феномене этничности», я испытываю определенные трудности по нескольким причинам. Во-первых, несомненную, с моей точки зрения, коллизию составляет тот факт, что Валерий Александрович является не просто коллегой, а директором Института. Обсуждать, а тем более высказывать критические замечания своему директору психологически не так-то просто. Все-таки представления о субординации и безопасном взаимодействии с руководством чаще всего не предполагают прямой, а тем более очевидной критики со стороны подчиненных. Мне кажется, что в данном случае этот момент так или иначе неизбежно будет присутствовать, просто каждый из нас, вероятно, решит для себя этот вопрос по-своему.

Во-вторых, предлагаемый для обсуждения сюжет входит в категорию проблем столь высокой сложности, что не приходится тешить себя надеждой разрешить его в ближайшее время, даже если им займется гораздо большее число специалистов, и на свет появится более или менее приемлемая теория.

Третьим осложняющим моментом выступает, на мой взгляд, та методологическая растерянность и теоретический эклектизм, которые присутствуют в сегодняшней отечественной гуманитарной науке. Они не только делают уязвимыми многие эмпирические исследования и связанные с ними теоретические обобщения, но и затрудняют восприятие и объективную оценку новых концепций, нередко выдвигаемых вместо, а подчас и на «руинах» прежних теоретических положений.

Немаловажным компонентом варианта теории этничности, предлагаемого В.А. Тишковым, выступает критический анализ ряда выводов и положений, имеющих как в отечественной этнологии-этнографии, так и в западной науке (в широком значении, куда включены работы как европейских, так и американских школ и направлений социальной и культурной антропологии). Это вполне понятно, закономерно и неизбежно: критическое переосмысление уже имеющихся достижений символизирует движение научной мысли, которое особенно ускоряется, а нередко и меняет свое направление в переломные для общества периоды. А если учесть, что современная жизнь населения России столь усложнилась, запуталась, существенно изменились ее качество и перспективы развития, а этап трансформации займет длительный отрезок времени, было бы странно, если бы в научном мире не предпринимались попытки с иных, чем это было принято ранее, позиций «объяснить мир».

Однако в «критической части» концепции В.А. Тишкова есть огорчительный для меня момент, связанный с упрощенной и нередко весьма вольной трактовкой чужих взглядов. Западную литературу я знаю значительно хуже, но концепции многих отечественных ученых интерпретированы так отрывочно и прихотливо, что для тех, кто с ними не знаком, их авторы могут показаться неискушенными простаками, потратившими свою научную жизнь на бесполезные и непродуктивные исследования. Я пони-

* Мы публикуем материалы обсуждения доклада В.А. Тишкова «О феномене этничности», с которым он выступил на годичном собрании Института этнологии и антропологии РАН 8 февраля 1997 г. (См.: «Этнограф. обозрение». 1997. № 3.) Обсуждение состоялось позже в рамках семинара по проблемам этничности.

маю, что законы полемического жанра включают элемент упрощения взглядов оппонентов, но когда речь идет о столь сложных материях, такой подход не всегда может привести к желаемым результатам.

В частности, не так однозначны вопросы об этнической эндогамии и информационных связях этнических общностей, которые В.А. Тишков относит к числу ошибочных биологизаторских построений. Предполагаемая слабость этих концепций требует аргументов, доказательств, а не простого отрицания.

Трудность восприятия и оценки данной концепции феномена этничности связана еще и с тем, что она направлена сразу по нескольким адресам. С одной стороны, предпринимается небезынтересная попытка создания научной теории, несущей в себе академическую полемику с коллегами. С другой стороны, в этой теории содержатся элементы, напоминающие по форме и по идеологии современную политическую доктрину в сфере государственной национальной политики. И в этой части она обращена к политическим кругам. Наконец, заметное место занимает апелляция к массовому сознанию, анализ обыденного эмоционального восприятия «этнического», поведения этнических элит. В.А. Тишков, как автор данной теории, сознательно и не без отваги противопоставляет себя большому числу реальных и гипотетических оппонентов, начиная от безличного государства с его неэффективной национальной политикой до конкретных представителей этнических элит, повинных, с точки зрения автора, в чрезмерной этнической ангажированности. Одновременная апелляция к различным по своей сути сферам (политике, науке, к области психо-эмоционального) нередко лишает концепцию убедительности для каждого из адресатов.

В.А. Тишков пишет, например, о том, что для общества ошибочно и саморазрушительно считать, что:

– *существуют фундаментальные коллективные архетипы в виде этносов и принадлежность к ним заложена в человеке изначально* (здесь и далее выделено мною. – Т.Г.);

– *этнические группы монолитны и обладают давним и строгим набором общеразделяемых характеристик и ценностей; – члены группы должны действовать солидарно по их защите от внешних угроз;*

– *члены группы обладают обязательным чувством отчуждения к другим;*

– *для противодействия разделительным тенденциям по этнической линии панацеей является сильное централизованное государство, а не процесс разделения власти и постоянных договоренностей.*

Мне не вполне понятно, кому адресованы и против кого направлены данные упреки: если профессиональным кругам, то очевидно, что мало кто из специалистов придерживается взглядов в той форме, как они изложены В.А. Тишковым. Момент приписываемого «обществу», к которому он обращается, максимализма заложен в выделенных мною словах. Может быть здесь речь идет о взглядах части откровенно агрессивно настроенных лидеров националистических движений?

В выдвигаемой В.А. Тишковым теории этничности мне импонирует прежде всего ее гуманистическая и ненационалистическая (если понимать под национализмом демонстрацию национального превосходства и национальной исключительности) направленность, критическое отношение к биологизаторским взглядам на природу этничности. Существенным моментом является также предложение вводить в дефиницию этноса не какие-то новые признаки, а элементы представлений об этих признаках. Последнее положение, как мне кажется, одно из ключевых в концепции и могло бы стать весьма продуктивным, особенно в понимании современных этнополитических процессов и этноконфликтных ситуаций. Однако настаивает то, что чем дальше соответствующее суждение разворачивается в различных докладах и работах, чем больше оно «обрастает» аргументацией и фактами, трактуемыми автором в пользу собственных представлений, тем очевиднее становится чрезмерный, если не сказать крайний, методологический релятивизм и субъективизм.

Во всяком случае, утверждения, согласно которым *этническая идентичность или принадлежность к этносу есть произвольно выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом / народом / национальностью / нацией (в этническом смысле) и этническая идентичность – это постоянно меняющиеся представления о том, что есть группа*, не дают почти никаких шансов выяснить, а на каких же основаниях, сочетающих в себе объективные и субъективные, реальные и мнимые составляющие, базируется эта пресловутая этническая идентичность и дифференциация человечества на этнические общности. Впрочем, если следовать логике предлагаемой концепции, поиск границ этнических общностей следует вести совсем по другим критериям, основанным, в частности, на обнаружении и определении социальных конструкций общностей, образуемых на основе избранных культурных характеристик.

Я не рискую здесь излагать собственное понимание концепции этничности, чтобы не впасть в то самое упрощение, о котором говорилось выше. Ясно по крайней мере одно: феномен, о котором идет речь, – предмет многоаспектного и длительного научного спора.

В.А. Тишков. Я считаю нездоровым, когда разработка теории монополизируется узким кругом ученых; каждый должен быть теоретиком в своем тексте. Это, мне кажется, гораздо более актуальная задача. Это первое. Во-вторых, в отношении американизации. Для меня гораздо более интересны индусы Аппадурай и Чатарджи, Фуко или Дерида из французов и Барт из норвежцев, чем американцы.

А.Д. Коростелев. У Вас есть такой термин – подход к этнической идентичности как к символическому и реальному капиталу. Объясните, что Вы имеете в виду под символическим и реальным капиталом и как Вы эти понятия разводите?

В.А. Тишков. В данном случае я имею в виду установку на использование этничности в социально-политических и других целях. Жесткий контроль этническими осетинами производства «лучшей в России» осетинской водки на территории республики с вооруженной охраной «национальными гвардейцами» полулегальных водочных цехов и называется самоопределением – использование этничности в утилитарных, материальных целях. А когда Галазов с энтузиазмом посылает альпинистов на Эверест и водружает там флаг Северной Осетии – это я скорее отношу к категории символического капитала.

А.Д. Коростелев. Доклад богатый по материалу и очень интересный. Здесь есть какие-то вещи, с которыми можно соглашаться или не соглашаться. Но я хочу говорить не о самом докладе, а лишь о некоторых проблемах, которые здесь затронуты.

Во-первых, по поводу споров, соперничества или дискуссий между примордиалистами и конструктивистами. Мне кажется, что у нас аудитория не очень в курсе одного из важных моментов этого спора. Дело в том, что большинство американских антропологов и одного и другого направления считают, что в этничности, в этнической идентичности самое главное – эмоциональный компонент. Вообще говоря, эти направления и эти споры возникли в значительной степени именно вокруг того, откуда эти эмоции берутся, что является их причиной. Этот момент, поскольку он не очень известен и часто об этом не говорится, обычно проходит мимо внимания аудитории, потому что это не совсем в традициях отечественной этнологии – заниматься изучением именно эмоционального компонента этничности.

Второе, о чем я хочу сказать. Понятие социального конструирования, которое используют конструктивисты, оно – если посмотреть их собственные работы – очень широкое. Сюда входит все – от сознательного манипулирования до каких-то стихийных процессов и стихийно возникающих механизмов этнической социализации. Поэтому было бы очень интересно ставить в исследованиях задачу развести эти вещи – то, что происходит стихийно, и то, что является результатом манипуляции, хотя это очень трудно. Любое государство, даже не проводя какой-то направленной политики в этническом вопросе, конечно, каким-то образом, какими-то чертами своей политики воздействует на изменения в этнической сфере.

Бывают совершенно различные ситуации. Представим две общности, живущие по соседству, которые различаются всем: говорят на разных языках, принадлежат к различным хозяйственно-культурным типам, у них разная религия, почти нет или вовсе нет смешанных браков. В этой ситуации манипуляторам было бы очень трудно навязать представления, отличные от тех, что сложились у них стихийно, навязать представления, что эти две группы суть одно целое. И другая ситуация, когда группы очень близки, различия между ними неусловимы и часто не совсем воспринимаются и понимаются самими членами этих групп. Вот тут начинается простор для этнического манипулирования. Но даже в этом случае часто результаты такого манипулирования бывают совершенно не те, которых хотели манипуляторы. Пример – 1980-е годы, Северо-Западная Башкирия, когда тем, кто по официальной статистике числился башкирами, но говорил на татарском языке, стали навязывать башкирский язык в школах, и они сказали: в таком случае мы татары.

Еще один вопрос, о котором здесь говорилось и который много раз поднимался и в зарубежной, и в отечественной этнологии, – о ситуативности этнического самосознания, о том, что в разных ситуациях человек может по-разному себя осознавать. Мне хотелось бы немного подробнее вернуться к примеру, связанному с мордвой, приведенному в докладе. Данные микропереписи 1994 г. показали, что в самой Мордовской республике 49% мордовского населения назвали себя мокшей, 48 – эрзей, но 3% все же сказали, что они – мордва. В соседней Пензенской обл. собственно мордвы – 69%, а остальные 31% – либо мокша, либо эрзя. На всей остальной территории России, кроме этих двух образований, мордвы оказалось 99,8% мордовского населения. Это к вопросу о ситуативности. Но обратим внимание, что мокша может себя называть мокшей или мордвином, но он никогда не назовет себя ни армянином, ни якутом. В крайнем случае он может назвать себя русским. Но эрзей он тоже не назовет себя, если только он не потомок эрзянско-мокшанского брака. Поэтому здесь действует какой-то принцип виртуальных ограничений. (Слово виртуальный я здесь использую в том значении, которое оно имеет в механике – там есть принцип виртуальных перемещений. Виртуальные перемещения – это множество перемещений, которые может совершать механическая система, не нарушая наложенные на нее связи.) Это набор выборов, реально существующих.

В.А. Тишков. Это очень важная реплика. С точки зрения традиционной классификации этнических процессов, с мордвой в 1994 г. в ходе промежуточной переписи произошла парцелляция. Когда-нибудь будущие этнографы, если они будут придерживаться этой классификации этнических процессов, будут ломать головы: почему произошло разделение этноса на два этноса. На самом деле в реальности как раз ничего не произошло. Они одновременно остались мордвинами и одновременно они еще выбрали другую идентичность. Вот к чему я призываю. А не пытаться втиснуть: какой этнический процесс, какого типа произошел среди мордвы в середине 1990-х годов. Никакого процесса, а процедура или процессуальность.

В какой мере теорию этноса можно квалифицировать как теорию, в чем ее уязвимость прежде всего? Как любая теория, даже самая сильная и глубокая, она не может жить вечно, потому что наука никогда не знала. В частности, главная проблема – трактовка, выбор главного теоретического конструкта – понятие этноса как основного предмета исследования в нашей науке – уязвима в двух смыслах. Во-первых, она сужает поле нашей дисциплины, все-таки этничность лишь одна и даже далеко не половина, а меньше всего того, чем занимаются социально-культурные антропологи в мире. Для нас же это – те границы, которые мы очертили для своей дисциплины. И это, мне кажется, неверно, хотя этнографы и в прошлом занимались другими сюжетами. Еще лет 10 назад были статьи, сделанные в рамках нашей дисциплины, – например, по молодежным субкультурам и многие другие.

И тем не менее все-таки настолько была мощная установка, что все старались приделать термин «этно». Как будто без «этно» – это как бы и не наше. Занимается исследователь сугубо антропологической вещью – проблемой человека и социальных

сообществ в зонах экологических катастроф, и там нет необходимости в «этно», но наш ученый без «этно» никак не может. Исследователь ищет это «этно», потому что кажется, что иначе происходит выход из дисциплины. На самом же деле есть понятие индустриальная антропология, кризисная антропология, и это достойные и уважаемые направления, которые не обязательно должны работать в рамках этничности.

Эти приставки как бы выдают наш самоограничитель и нашу слабость. Мировая антропология изучает человека, общество – очень широко, но в основном человека, и если та или иная община, группа или более широкая коалиция, например, государственное образование, общество в рамках государственных границ, не обязательно совпадает с этническими границами, то никого это н^е беспокоит. Ни для одного ученого это не является вопросом, что они занимаются чем-то не тем. Это первое, что я хотел сказать. Бесконечные «этно» приделываются ко всему – начиная с археологии (этноархеология) до социальной психологии и некоторых других вещей. Мне кажется, нам надо более спокойно относиться к этому, пересматривать и не считать, что предмет науки – этнос, в это нужно все и вписывать.

И второй вопрос. Если как бы подвергается сомнению сам предмет науки в виде «объективного тела», то вроде бы и наука исчезает. Как мне сказал Р. Абдулатипов: «Если нет этносов, то чем же вы занимаетесь? Вы же сами разрушаете свою собственную науку?» Эти замечания были не только от Р. Абдулатипова, но и от некоторых выдающихся коллег из нашей собственной среды.

Что касается собственно понятия этноса, если вы внимательно посмотрите, его дефиниция состоит из одних сплошных исключений. С самого начала для меня здесь были вопросы, когда я еще занимался североамериканскими материалами, и приезжая туда, первым делом спрашивал: «Сколько у вас индейских этносов?». Мой вопрос просто не понимали. Сегодня одна номенклатура индейских общин, спустя десять лет – поменяли названия, перегруппировались, и вообще некоторых групп нет. Назвали себя как-то по-другому. Например, часть северных атапасков в Канаде стала называть себя «нацией дене», чтобы солидно выступать в борьбе за земельные иски и за самоуправление. «Этносы» или «подэтносы» здесь не причем. На североамериканском материале наши классификации не работают. Я имею в виду не только «новые нации», американцев и канадцев, а именно аборигенные народы, с чем, собственно говоря, вправе быть сопоставимо то, чем мы занимаемся в России.

Тем более это не работает применительно к более широким общностям – как, например, канадцы. И усилия М.Я. Берзиной ввести понятие «переходных групп» для тех, кто еще не вошел в «ядро» этноса, оказываются также напрасными. Не группы переходят в «ядро» в результате собственных модификаций (интеграции, ассимиляции и т.п.), а меняется представление, кто такие «канадцы», за счет расширения границ «ядра».

А кто же такие барбадосцы, сент-винсентцы и т.д. – этносы или нет? Когда писали энциклопедию «Народы мира», наши американисты дискутировали это, говорили, давайте их всех назовем переходными группами. Они еще как бы переходят из чего-то в другое и это есть как бы аномалия, а нормально – это когда существует культурно гомогенная общность. Но сегодня половину населения Земли тогда нужно зачислять в «переходные группы». По крайней мере, треть жителей Парижа и половину жителей Лондона – это уж точно.

Но и на наших материалах казалось мне достаточно сложным обосновать понятия этноса, ЭСО или этникоса. Скажем, наши исследования москвичей – граждан с армянскими корнями. Я имею в виду статью в «ЭО» Ю.В. Арутюняна «Москвичи-армяне», где он квалифицировал их и изучал как «сколок с этноса». Этот подход – что где-то есть этнос, т.е. существует нормальный народ, а в Москве или Лос-Анджелесе какие-то сколки с этноса, тоже мне представляется уязвимым, потому что все-таки в центре этнического дискурса есть человек, и в одном человеке может быть гораздо больше «этносов», чем мы себе представляем. Житель Лос-Анджелеса может быть членом американского и армянского этносов, а москвич – русского и армянского.

Что я в этом докладе предлагаю – это большой интерес и переход к личностно ориентированному подходу к изучению этничности, и посмотреть не через коллективный портрет, а через человека, через личность, как в нем играет, используется, живет и что собой представляет одна из форм его идентичности – его этничность. И наши коллеги-социологи достаточно убедительно показали, что это далеко не определяющее, не главное в иерархии личностных идентичностей и ценностей.

Такой более трезвый и реальный подход – он ни в коей мере не подвергает сомнению важность и значимость нашей дисциплины, того, что мы изучаем. Но он гораздо более чувствителен к современным ситуациям и на многое мог бы помочь нам ответить. Мы не можем жить с подходами, которые сформировались на основе этнографии сельских общин прошлых веков. Просто предмет во многом радикально изменился.

Несмотря на коллизию, которая существовала и существует между отечественной традиционной этнографией и этносоциологией, мне кажется, с точки зрения общей методологии, этой коллизии нет, это примерно одна сторона баррикад. Только методика другая: в первом случае – методика полевого исследования, включенного наблюдения, во втором – массовый опрос, но цель и подход являются общими; нужен только пример, чтобы характеризовать весь этнос; т.е. то место, где отечественный специалист работает, его интересует постольку, поскольку он интересуется всеми таджиками или всеми месхетинскими турками, и частный/локальный срез – это как некая иллюстрация в характеристике этноса и процесса.

Самодовлеющий интерес к функционированию общностей на уровне села, общины, города, чтобы анализы не выходили на глобальные построения, характеристики всего этноса, всего народа, – это редкий сюжет в нашей этнографии. Тем не менее именно этот жанр наиболее широко распространен в современной науке. В последнее время много интересных работ вышло, в основном американских женщин-антропологов (Анна Цинг, Нэнси Шеппер-Хьюджесс, Шмадар Лави, Лиля Абу-люкход, Мариан Стразерн, Джанет Хоскинс, Мэри Стиди). Сейчас это классические исследования постструктуралистской антропологии. Кстати, работы эти основаны на богатейшем полевом материале – по 18-20 месяцев работы в поле. Сам жанр, я уж не говорю о форме, глубине проникновения в материал – чрезвычайно интересен. Значительную часть текста составляют «прямые голоса», свидетельства информаторов, диалог информатора с исследователем, саморефлексии автора. И все это в широком междисциплинарном контексте.

Следует сказать, что меня обеспокоила реакция на новые подходы и теории, которые продемонстрировала наша дисциплина. Здесь сказался синдром многолетнего климата, который сложился в советском общественном сознании, когда все отклонения от всеобщей одобренной теории рассматривались как идеологическое диссидентство, подрыв устоев традиционной преемственности, и даже критика некоторых авторитетов трактовалась как личностные выпады. Эта этика уже изживается, и гораздо более пылкое и критическое отношение должно присутствовать в наших трудах.

Здесь есть и другая крайность. Ее продемонстрировал М.Н. Губогло, отметив недавно, что в последних трудах не учитывается историографическая традиция и т.д. Я считаю, что у нас проблема не в этом. Как раз излишняя в наших трудах как бы обязательность описания предшествующего историографического контекста. Почти все монографии, все диссертации содержат эти разделы, хотя это и не обязательно. И это не разрыв с традицией, не неуважение своих предшественников. Мне кажется, наука тем и живет, что ученые свои взгляды пересматривают, а чужие – тем более, не исключая взгляды учителей.

С.Н. Абашиш. У меня небольшая реплика по поводу того, что социальное манипулирование ограничено некоторыми пределами и поэтому якобы эти пределы можно рассматривать как некоторую данность, в которых эта манипуляция только и возможна. Здесь, на мой взгляд, следует иметь в виду, что манипуляция осуществляется в условиях, которые уже созданы чьей-то манипуляцией в прошлом, и то, что вос-

принимается как данность, может быть результатом предшествующих актов манипулирования.

У меня два замечания по поводу доклада В.А. Тишкова. Во-первых, мне представляется важной проблема, которая поставлена в докладе: чем все-таки этническое самосознание, этничность, отличается от других форм самосознания (например, конфессионального). В докладе сказано, что этничность – это «культурный комплекс». Но это определение фактически вновь возвращает нас к примордиализму. Культурный комплекс – значит, опять некие объективно существующие элементы культуры. Между тем, именно эта точка зрения в докладе критикуется как несостоятельная. Правда, автор не поясняет, что входит в понятие «культурный комплекс», и даже признает условность «маркеров» культурного комплекса. Таким образом вопрос, чем этничность отличается от других форм самосознания, остается открытым.

Думаю, действительно главная проблема – выделить этничность из других форм самосознания. И, может быть, эту проблему надо рассматривать не только в контексте сознания и самосознания личности, как призывает автор доклада, но и в каком-то более широком контексте.

В частности, в докладе даже не поставлен важный вопрос: этничность – это универсальный способ категоризации, т.е. создания символов и понятий о мире в этнических категориях, или же этничность, как способ категоризации, возник на каком-то этапе истории, при каких-то определенных условиях (экономических, социальных, идеологических и т.д.). На этот вопрос в докладе нет ответа. Возможно, решение проблемы – чем этничность отличается от других форм самосознания – следует искать, предварительно ответив именно на этот вопрос.

Второе замечание касается языка или понятийного аппарата, с помощью которого в докладе ставится и обсуждается тема этничности. Это очень серьезный вопрос. Большинство упреков к новым концепциям в отечественной науке связаны, может быть, не с содержательной стороной этих концепций, а с языком, которым их популяризируют. Часто с этими упреками приходится соглашаться. Нередко в русский язык механически привносятся новые слова и понятия, у которых в западной науке имеется вполне определенный исторический контекст. Разъяснению многих понятий посвящены на Западе целые труды. А когда мы механически переносим в нашу науку язык американских или французских исследователей, то, как правило, делаем это без обсуждения конкретного исторического контекста возникновения этого языка. Но это полбеды: в конце концов ученый может взять книгу зарубежного исследователя и восполнить пробелы в своих знаниях. Однако мы не можем такие же требования предъявлять к обычной читающей публике или, скажем, к политикам, журналистам.

Бывает и такая ситуация: воспринимается язык западной науки, а не идеи. Говорит ученый о какой-то проблеме на таком американизированном языке и кажется, что вроде все правильно, ни к чему не придерешься. Но вот ученый начинает импортировать и переходит на нормальный русский язык – оказывается, что на самом деле он ничего в новых концепциях не понял. Такое двоемыслие встречается сплошь и рядом.

Я полагаю, что проблема перевода западных идей на наш язык, с учетом наших традиций, является важной задачей. Более того, многие эти идеи имеют аналоги в отечественной науке: например, об иерархичности и ситуативности самосознания писали многие российские исследователи. Не надо думать, что отечественные ученые всегда мыслили только категориями теории этноса. Другое дело, что не всегда отдельные наблюдения отечественных ученых вырастали в какие-то четко выраженные концепции. В любом случае все это нужно как-то обязательно использовать, учитывать.

Е.И. Филиппова. Можно реплику в развитие того, что было сказано? Мне тоже при чтении Ваших текстов американская парадигма мышления, в которой они созданы, очень сильно мешает воспринимать смысл. Даже само грамматическое построение, свойственное тому языку, в котором Вы себя так естественно чувствуете, невольно

переходит и в Ваш русский текст. Оно столь отлично от привычных нам форм выражения мыслей, ибо порождено реалиями, которых у нас может быть вообще нет, что мне кажется – даже не все термины, которые придуманы той наукой, не все феномены, которые за этими терминами стоят, могут быть найдены у нас. Например, такие понятия как «вызов» – это атрибуты несколько более жесткой, агрессивной манеры мышления, чем та, что свойственна нашей научной традиции.

Я согласна с тем, что никаких изначальных этнических свойств в человеке не заложено, а то, что обычно относят к этническим свойствам, проявляется в результате социализации в той или иной среде. При этом интенсивность этничности у каждого человека может существенно различаться.

В этой связи приобретает интересную интерпретацию вопрос об этнических границах: получается, что есть какие-то этнические сообщества, которые объединились на почве общей идеи принадлежности к этносу, а есть некоторые индивиды, которые ни к какой группе не примкнули.

С другой стороны, если уж культурная общность членами группы разделяется, то, соответственно, эта группа, по крайней мере в данный момент времени, действительно существует. Но при этом этнос это или что-то другое? Действительно, Вы совершенно справедливо пишете, что для одних русских «быть русским» означает одно, для других – совсем другое, а для третьих это, может быть, вообще ничего не значит. Но тем не менее на вопрос о национальности они, как правило, ответят: «Я русский».

Это, конечно, во многом связано с нашей традицией. Когда я размышляла, почему в нашей стране стали возможны все эти мобилизации этничности, особенно в постперестроечный период, мне показалось, что это связано не в последнюю очередь с тем, что этническая принадлежность в СССР, а теперь и в России, сопровождает человека в течение всей его жизни, жестко зафиксированная в паспорте. При этом возможность выбора бывает один раз – в 16 лет, когда человек приходит этот паспорт получать и когда национальность должны записать с его слов. Однако надо отметить, что никто с его слов ничего не запишет, если ни папа, ни мама к этой национальности не принадлежат. А после того как человек эту национальность в паспорте записал, ее изменить уже невозможно, в отличие, например, от фамилии, имени и отчества.

И потому, мне кажется, когда произошел крах всей нашей социальной пирамиды, когда разрушились идеологические устои, когда люди, которые были где-то на верхних ступеньках, оказались у подножия лестницы, и наоборот, с низов вознесло на верх совершенно других людей, присущая человеку потребность найти «своих» – ту группу, с которой можно себя соотнести, эта потребность и востребовала поиск наиболее бесспорного признака для такого соотнесения. В этих условиях для многих людей именно национальная принадлежность оказалась одним из немногих признаков, который они в результате всех произошедших катаклизмов не утратили. Вы могли выпасть из какого-то социального строя, могли из одной профессиональной группы перейти в другую или вообще в никакую. Но этническая принадлежность оставалась неизменной. По этому признаку легко оказалось определить своих.

Надо признать, что в тех обществах, где национальная принадлежность не является частным делом человека, а фиксируется государственными органами, тем самым создаются райские условия для возникновения национальных движений и межэтнических конфликтов.

А.Н. Ямсков. Прежде всего стоит сказать несколько слов о том, в какой ситуации появляются, а точнее, какую ситуацию создали своим появлением работы В.А. Тишкова и теоретические исследования ряда других авторов, например, С.В. Соколова. В.А. Тишков, в частности, не раз уже говорил о кризисе в нашей науке. Я думаю, что у нас не столько методологический кризис, сколько настоящий раскол. Ведь сейчас фактически сосуществуют и соперничают друг с другом во влиянии на начинающих исследователей две во многом взаимоисключающие понятийно-терминологические системы – пришедшая с Запада, кстати, во многом стараниями самого

Валерия Александровича, и та, которая развивалась здесь, т.е. восходящая к бывшей советской этнографической школе. В первую очередь это относится к тем представлениям об этносе, которые были разработаны Ю.В. Бромлеем, С.А. Арутюновым, В.И. Козловым и другими нашими учеными.

В такой ситуации, мне кажется, невозможны ни простой синтез или соединение этих систем, ни отбор и совмещение наиболее рациональных и операциональных конструкций из той и из другой, как это предложила Т.С. Гузенкова. Они в принципе не совпадают. И ничего страшного в этом нет, слава Богу, что не совпадают и потому дают нашим исследователям возможность самостоятельного выбора.

Проблема же заключается в том, что одно и то же либо очень близкие понятия, даже один и тот же термин, чаще всего имеют существенно разные нагрузки, ибо за ними стоят существенно разные смысловые значения в западной и в отечественной традиции. Следовательно, реальный терминологический и смысловой сумбур ситуации «разговора на разных языках» при использовании формально одинаковых понятий продолжится до тех пор, пока в среде отечественных научных работников и преподавателей не сложится новый консенсус о значении и смысловом наполнении ключевых понятий. Но для того, чтобы взгляды В.А. Тишкова были лучше поняты и, следовательно, имели больший резонанс и оказали бы большее влияние на формирование искомого консенсуса, ему не стоит ограничиваться тем подходом, который есть в этом тексте и выступлениях, да и во многих других работах.

В.А. Тишков обычно дает свой сжатый анализ и свое видение современной западной методологии, и на этой основе разрабатывает свои собственные концепции, параллельно критикуя отдельные положения ученых, работающих, скажем так, в бывшей советской научной традиции. Вот и в этом тексте он упоминает, в частности, о взглядах Г.У. Солдатовой и Н.Л. Жуковской, хотя, впрочем, это достаточно изолированные точки зрения и в общем-то весьма специфические, так что трудно сказать, насколько они вообще соотносятся с отечественной традицией. Это все же явно не то, что раньше было известно под названием советской теории этноса и нации.

Однако для того, чтобы новые взгляды и новые теории были даже не то что усвоены, а просто поняты, мне кажется, работы такого плана должны строиться существенно иначе. Здесь должен быть четкий, конкретный пересказ основных западных теорий. Кстати, все это вовсе не должно быть изложено «по-русски», т.е. с максимальной языковой адаптацией и употреблением близких по некоторым смысловым значениям терминов из отечественной науки – наоборот, эта часть текста должна быть максимально четко и конкретно изложена, условно говоря, «по-американски», или в виде транслитерации терминов в сочетании с буквальным переводом пояснений. Но тут же должна быть представлена и параллельная линия рассуждений о том, что же конкретно понимается, например, под «этнсом» Ю.В. Бромлеем и его последователями и как этот «этнос» соотносится с «этнической общиной» западных авторов, или что такое «этникос» в трактовке того же Бромлея и чем это отличается (и отличается ли вообще?) от совокупности людей – носителей одинаковой «этничности», т.е. от лиц с одинаковыми этническими характеристиками, или в чем же состоят близость и расхождения советской школы и современных западных теорий в понимании «этногенеза» и, с другой стороны, «конструирования этничности» и сопутствующей «этнической мобилизации».

Иными словами, в работе под названием «О феномене этничности» мне хотелось бы сначала увидеть не столько авторские идеи В.А. Тишкова, выросшие на почве переосмысления им опыта западной науки, сколько квалифицированный и более сфокусированный на терминологии сопоставительный анализ теоретических построений, родившихся «там» и «здесь», а ныне обреченных на сосуществование в головах отечественных исследователей. И уже опираясь на этот фундамент, было бы гораздо легче проследить генезис и понять оригинальные построения самого В.А. Тишкова.

Отсутствие такого сопряженного анализа и сопоставления двух понятийно-терминологических систем очень сильно затрудняет нашу современную научную жизнь, по-

сколькимногие понятия, присутствующие в обеих системах, все-таки имеют определенную зону смыслового перекрытия, но где-то это перекрытие больше, а где-то – меньше либо практически отсутствует. Вспомним, что в условиях нормального развития науки постоянно появляются попытки ввода новых либо переосмысления содержания уже существовавших ключевых понятий, но авторы такого рода работ всегда тщательно обосновывают свои предложения путем детальной демонстрации их преимуществ, т.е. подробно излагают «старое» и «новое» прочтения. Поэтому, если будут представлены сразу две системы интерпретации и теоретического осмысления ряда основополагающих понятий этнологии – с современной западной точки зрения и с бывшей советской точки зрения, у читателя появится больше ясности. Он сможет не только верить на слово В.А. Тишкову или просто выбирать «западное» в силу научной либо политической моды, но увидит реальную разницу между этими системами и сделает выводы более обоснованно.

Во-вторых, мне кажется, что В.А. Тишков, говоря о примордиализме и противопоставляя его конструктивизму (отчасти и инструментализму), недооценивает или выпускает из внимания, что сейчас как ответ на вызов, брошенный конструктивизмом, развивается еще одно оригинальное течение, часто именуемое неопримордиализмом. В частных разговорах с некоторыми ведущими учеными США и Западной Европы я не раз слышал резко скептические отзывы об изилишне субъективистских построениях, выполняемых в рамках модных ныне конструктивизма и постмодернистских подходов к пониманию этничности; в ряде случаев это сопровождалось признанием ориентации именно на неопримордиализм. Но это, подчеркну, не просто сохранение примордиалистских взглядов у части исследователей (как можно понять из текста В.А. Тишкова), а действительно новое, в сравнении с конструктивизмом, научное течение, существенно отличающееся от классического и примитивно-упрощенного, как мы теперь это понимаем, примордиализма. Однако между ними есть и преемственность, что вовсе не должно нас пугать либо настораживать.

О современном и действительно новом этапе в развитии науки об этносах или «этнических общинах», в частности, о критике ряда базовых концепций конструктивизма, в обсуждаемом тексте нет ни слова. А ведь фактически автор и сам уходит от крайностей конструктивизма, приводя прямо противоречащие им примеры. Кстати, очень удачное и весьма критическое изложение указанной теории было сравнительно недавно представлено В.В. Коротеевой на страницах «Этнографического обозрения». Да и многие прозвучавшие здесь взгляды, в частности, мнение и нагляднейшие примеры А.Д. Коростелева, – все они фактически попадают в русло не конструктивизма, а неопримордиализма.

Именно к последнему относятся представления о том, что в действительности обычно имеется лишь некий вполне определенный (заданный предшествовавшими культурно-языковыми процессами) набор реальных вариантов проявления этнического самоосознания (самоидентификации), и индивиды либо группы могут выбирать лишь между несколькими возможными вариантами или альтернативными идентичностями. Варианты самоосознания, конечно же, часто бывают множественными, иерархически соподчиненными и не исключают друг друга, т.е. они могут строиться по типу матрешки и проявляться ситуативно. Кроме того, любой из нескольких возможных выборов этнической идентичности контролируется (стимулируется либо нейтрализуется) воздействием извне, со стороны окружающих групп.

Но вопреки доведенным до своего логического завершения представлениям реальных сторонников конструктивизма, не существует абсолютно свободного «бескрайнего» и ничем не ограниченного (ни внешним социальным давлением, ни внутренними культурными свойствами и характеристиками) поля для стихийного либо управляемого (как изнутри, так и извне) конструирования культурных символов и маркеров и, на этой основе, этнических идентичностей и самоидентификаций. Напротив, для каждого индивида или группы доступно лишь достаточно ограниченное социально-культурное пространство, заданное сочетанием объективно уже существующих в данный момент

времени культурных различий и культурно-обусловленных противопоставлений. В этих социокультурных рамках и формируется возможный набор реально и потенциально доступных идентичностей с соответствующими им культурными маркерами и отличительными символами.

Последнее мое критическое замечание связано с тем, что существует определенное противоречие между представленными В.А. Тишковым материалами и тем определением этнической группы, которое он формулирует в рассматриваемой работе. Так, значительное внимание уделено взглядам Ф. Барта о том, что этничность – это явление, которое иногда может навязываться формирующейся группе извне, т.е. членами других групп, и что именно в результате насильственно навязанного чувства единства и общности во многих случаях возникают групповая солидарность и этническая идентичность. Более того, несколько собственных примеров В.А. Тишкова еще более ярко свидетельствуют о большом значении физико-антропологических фенотипов в межэтническом взаимодействии в тех случаях, когда этим различиям придается особое значение. И опять-таки вывод однозначный – зачастую этническая идентичность навязывается людям извне либо ее трансформация блокируется за счет давления извне, в силу каких-то объективных свойств этих людей, в частности – придания особого значения их расовым характеристикам.

Но когда автор переходит к собственному определению этнической общности и к более развернутой характеристике отдельных сторон этого феномена, он, вполне в духе прокламируемой им верности конструктивизму, ничего не говорит о возможной важной роли внешней среды и объективно заданных социокультурных барьеров в социальном ограничении группы. Этничность трактуется им только как результат ничем объективно не ограниченного, спонтанного и свободноразвивающегося внутреннего самоосознания и самоопределения личности, соотношения себя с группой и, тем самым, выбора ею своей собственной идентичности и круга лояльности, солидарности и пр. К тому же он связывает эти процессы с «целенаправленными усилиями людей и создаваемых ими институтов» и акцентирует внимание на практически значимых и вполне утилитарных, т.е. «инструментальных», функциях этничности, что более свойственно инструментализму, а не собственно конструктивизму.

Однако что делают при этом другие группы и созданные им социальные институты, каково их возможное влияние на данный процесс, какие языково-культурные либо физико-антропологические характеристики вовлеченных в рассматриваемый процесс людей используются при этом внешними силами и ими самими, – об этом ничего не говорится, несмотря на приведенные примеры и теоретические обоснования возможности и важности такого рода воздействий. А ведь и в нашей науке Л.Ф. Моногарова, например, достаточно давно писала о том, что серьезную роль в формировании этнических сообществ играют и факторы внешней социальной, культурной среды, т.е. поведение и взгляды членов других этнических групп, существующих в той же местности.

Л.М. Дробижева. Мне кажется, Валерий Александрович, для того чтобы действительно лучше дошли те идеи, которые у Вас есть, например, о государственной идентичности (нация – согражданство), которые в значительной мере позитивны, важны, мы должны не скрывать того, ради чего они выдвигаются, т.е. стать более открытыми. Мне вспоминаются наши первые симпозиумы с учеными из США в начале 1980-х годов. Ясно, что когда они задавали идею «правильного котла», это была реакция на массовые выступления 60-х годов. Им нужно было снять повышенную групповую идентичность.

Мне кажется, сейчас не нужно думать, что все люди абсолютно готовы воспринять вещи такими, как им говорят. Они часто понимают их в зависимости от собственной ориентации. Совершенно очевидно, идеи о «нации-гражданстве» они воспринимают как попытку заменить их этничность. Это мы видим даже по той литературе, которая идет как реакция на ваши статьи. Поэтому, мне кажется, эта идея стала бы более проходима, если бы Вы сочли возможным дать ее не как отменяющую этнические

общности. Тем более, Вы говорите, что это может быть навязанная этничность, но она реально регулирует поведение, что особенно важно. Поэтому любимую Вами идею лучше дать так, как Вы говорили о культурной автономии: она не заменяет республики, но она совмещается с республиками. Хорошо бы дать проработку идеи того, что «нация-согражданство» вовсе не отменяет реальное существование этнических общностей, групп, а дальше уже говорить о том, что это такое.

Второе мое предложение к размышлению. Почему-то в Ваших работах не используется то, что мы в социологии считаем для себя очень важным, – разделение идеологического уровня этничности и уровня психологически-индивидуального. Потому что то, что есть в идеологии – совершенно явно конструируемо. Это четко и ясно осознается. Назовем ли мы этих конструкторов этническими предпринимателями или интеллигенцией, идеологами – дела не меняет. Важно, что это действительно полностью конструируемо.

Другое дело – то, что происходит на личностном психологическом уровне. Этничность действительно не врожденный феномен, но она все-таки формируется благодаря не только средствам массовой информации и школе, но и ближайшей среде, семейному воспитанию, т.е. в процессе социализации. И вот то, что создает ментальность в процессе социализации, это не так просто манипулируемо. Во всяком случае, что-то в ней можно изменить, а что-то нельзя. Об этом мне довелось писать в книге «Этничность и власть».

Здесь возникает третий вопрос, о котором, видимо, имело бы смысл поговорить, и что следует учитывать в условиях, когда мы живем практически в ситуации «динамического хаоса», если говорить социологическими терминами. В условиях этого «динамического хаоса» летят все теории, и в социологии это четко видно. И структуралистская концепция, и теория развития, все подвергается сомнению, часто не подтверждается, все взрывается. И вот в этой ситуации действительно очень трудно разделить подходы в социальной антропологии, этнологии... но важно, что практика все больше подталкивает нас к тому, что имеют значение не теоретические концепции, а анализ реальных ситуаций. В социологии их стали чаще называть практиками. Вот то что Вы говорили – реальная среда, она как бы дает разные интерпретации одного и того же явления.

Мы сталкиваемся в этом отношении с интерпретациями таких глобальных явлений как, например, построение гражданского общества. Что важно? Как его понимают на Западе и как его понимают у нас. Это кардинально разные вещи. Или, скажем, понимание демократизации. Блестящий пример – последние выборы в Чеченской республике. При условии, что идет мусульмански ориентированный президент Масхадов, все же сам процесс (избирательный процесс, институализацию власти) мы называем демократизацией. Демократизация в Америке и демократизация в Чеченской республике – это небо и земля. Поэтому эта «практика» заземляет нашу интерпретацию реальности. И поэтому для нас, например, как для этнических социологов, важно еще дальше провести это заземление – от среды до социальной группы, потом до индивида, а потом снова подняться. Поэтому проработка этничности на этих разных уровнях функционирования, мне кажется, была бы важным моментом.

Есть некоторые конкретные пожелания. Этническая идентичность интерпретируется у Вас по-разному. Один раз это просто самоотнесение, но как самоотнесение трактует ее В.И. Козлов, а другой раз как представление, тогда это так, как мы работаем с этой категорией, раскрывая ее различные элементы, представления, которые есть – это тоже входит в этническую идентичность или в национальное самосознание.

С этой точки зрения еще один момент, чисто конкретный. Это вопрос о значимости разных факторов при этнической идентичности. Вы в одном месте говорите, что может быть если бы мы во время работы над нашим проектом (Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов) посмотрели на якутов и тувинцев, то внешняя идентичность оказалась бы для них более значима, чем все другие

признаки. А вот мы их не заложили и поэтому не получаем. Как раз мы закладывали, и оказалось, что эти визуальные различия, наблюдаемые антропологические различия, оказались совсем не так важны для идентичности. Они работают как различители, но не столь значимо как консолидаторы, в этом мы нашли подтверждение того, что сама идентичность ситуативна, она каждый раз опирается на разные признаки, сегодня на одно, завтра на другое.

И это этнические идеологи очень четко учитывали. Большинство из нас уже имеет конкретный опыт того, как конструировались идеи. Я четко помню, когда Марью Лауристин, социолог, которая работала на этнической поuye в Эстонии, выделила этнические признаки, для того чтобы мобилизовать эстонскую этничность. Что они мобилизовали прежде всего – язык, экологию, а почему? Потому что все наши данные говорили, что люди себя идентифицируют прежде всего (и в Эстонии тоже) по признаку языка. Значит, если идеологи заложат эту идею, они найдут отклик в массовом сознании. Те, кто работают «в поле», знают, что сами идентификаторы все время варьируют в зависимости от конкретной ситуации. В одной ситуации одно играет роль, в другой – другое. Но важно, что уровень практики должен быть обязательно учтен при анализе.

Г.У. Солдатова. Хочу сразу же подчеркнуть одно из достоинств работ В.А. Тишкова. Он уже на протяжении нескольких лет пытается вывести этнологическую мысль за рамки устоявшихся парадигм. Обозначая новые исследовательские ориентиры, он возмущает спокойствие и соответственно активизирует научную жизнь в институте. К числу такого рода работ относится разрабатываемый им в духе конструктивизма подход к объяснению феномена этничности. В его позиции меня как психолога привлекает подчеркивание значимости субъективной стороны этнических процессов и явлений – этнической идентичности, мифотворчества, чувства солидарности. В то же время этничность рассматривается как ситуативный, «конструированный», нередко «навязанный» феномен. Такая позиция выглядит современно, прагматично, очень «по-западному». Но, по-моему, она слишком упрощает взгляд на этничность и, в частности, не объясняет ту иррациональность, которая нередко проявляется в этноконтактных ситуациях.

Пожизненная, унаследованная от предков этническая принадлежность коренится не только «в головах», но и «в сердцах» людей. Большинство людей все же замешано на «крови» и «почве». В каждом человеке есть какие-то «примордиальные» струны и особенно легко их затронуть у этнических маргиналов, к которым, в частности, я отношу и себя. Зыбкость и иррациональность такой «сердечной» компоненты, ее фрагментарность и разнообразие проявлений не должны быть аргументами для ее игнорирования. Ограниченность конструктивизма может быть преодолена, если рассматривать феномен этничности в системе «этническое-национальное-государственное». Последнее в этой триаде можно заменить на более модное и менее политическое – «цивилизационное». В этой системе этническое как бы и низший уровень и главная опора для всех последующих. Субъективная сторона этнических процессов и явлений, формируясь при решающей роли национальных элит, происходит не на голом месте. Воздействие национальной риторики только тогда и будет эффективным, если ее опорные темы выступают не в роли семян, а в качестве катализаторов уже готовых к активизации процессов, происходящих в глубинах массового сознания и коллективного бессознательного. Не в последнюю очередь это предполагает знание социально-психологических закономерностей их развития. И структурно-функциональный подход в этнопсихологии, который критикуется в статье – это один из способов (далеко не самый худший) получения такого знания.

Трудно спорить со значимостью структурных оппозиций на уровне группового самосознания – это один из центральных принципов, на котором построена вся межгрупповая психология. Преодоление недостатков структурно-функционального подхода как раз возможно в рамках конструктивизма, когда этничность рассматривается как развивающийся феномен. Говоря о причинах трудной приживаемости конст-

руктивизма на отечественной почве, хочу остановиться на одной из них. Это научная ангажированность, которая сама по себе не является негативным явлением. В науке всегда существовали школы. И быть апологетом одной из них может быть даже лучше, чем болтаться в свободном бессистемном поиске. Несмотря на то, что сейчас еще не угас задор борьбы с прошлым, научную ориентацию сменить так же не просто, как сексуальную или этническую. Быстрая смена ориентации чаще просто декларируется, чем происходит в действительности. Поэтому в основе научной ангажированности лежат трудные трансформации профессиональной идентичности. Кроме того, используемые концепции, особенно в такой области как межэтнические отношения, связаны с тем временем, в котором работает исследователь.

Это хорошо прослеживается и в этнопсихологии. Можно продемонстрировать это на примере психологов, работающих в Институте этнологии и антропологии. Когда в середине 80-х годов я защищала кандидатскую диссертацию, я опиралась, в частности, на работы Ю.В. Бромлея по теории этноса и работы Л.М. Дробижевой по национальному самосознанию. Н.М. Лебедева, защищая свою диссертацию в 1989 г., опиралась на концепцию Л.Н. Гумилева и на исследования по суггестии Б.Ф. Поршнева. Если говорить в терминах доклада, то сейчас этнопсихологи предпочитают скорее инструменталистскую ориентацию. Может быть недалек тот день, когда в отечественной этнопсихологии появятся «жесткие» конструктивисты.

Очень правомерно поставлен в докладе вопрос о действительной этнической принадлежности респондентов, участвующих в социологических и социально-психологических исследованиях. Кого мы изучаем, когда говорим, что наши респонденты – русские, татары, тувинцы и т.д.? Наши респонденты, как правильно подчеркивает В.А. Тишков, жили и живут как минимум в двух культурах и к какой из них они ближе, видимо, определяется не только самоотнесением и происхождением, но и их внутренним содержанием, их социализацией, аккультурацией, в целом историей их жизни. Я сама на вопрос о национальной принадлежности заявляю, несмотря на смешение во мне разных этнических групп, что я осетинка. Но поступаю ли я как осетинка и чувствую ли я себя осетинкой в моей повседневной жизни – это вопрос уже другого уровня.

В моей работе, о которой шла речь в докладе, группы респондентов определялись на основе свободного самоотнесения, самопредписания. Анализируя полученные данные, мы склонны скорее предполагать, что это самоотнесение – итог не только формальных и ситуативных факторов, но и сознательного выбора. В его основе лежит ряд и чисто психологических причин. Во-первых, такой выбор может быть результатом социально сформированного невротического комплекса, основанного у этнических маргиналов на гипертрофированном чувстве своей этнокультурной ущемленности. Это активизирует действие соответствующих механизмов компенсации на личностном уровне. В частности компенсации культурного дефицита и стремления к отличительности, которая в иерархии ценностей современного мира занимает очень высокую позицию. Во-вторых, это один из наиболее очевидных выходов в процессе поисков социальной защиты. Происходит осознание этнической принадлежности как важного защитного бастиона личности и усиливается стремление его укреплять. В основе этого процесса лежит потребность в идентичности, которая входит в число онтологических потребностей личности. В-третьих, это способ справиться с проблемами отчуждения, найти «своих» в этом мире. Тем не менее это серьезное замечание, которое необходимо учитывать при анализе эмпирических данных, полученных на основе массовых этносоциологических опросов.

Несколько слов по поводу определения этнической группы. По сравнению с Вашим предыдущим определением, которое мне нравится, мне кажется, произошла некоторая редукция предмета.

В.А. Тишков. Я только ввел «представление об этом», не «объективность», а «представление о ней».

Г.У. Солдатова. Меня как психолога устраивает такой поворот. Так как коллек-

тивные представления – предмет социальной психологии, получается, что этничность в первую очередь социально-психологический феномен. И все же это только один из ее аспектов. И последнее, о чем я хочу сказать. Коллективные представления, как известно, могут быть и бессознательными. Например, когда Вы говорите о символах-демиургах. Для меня это архетипы, хотите Вы или не хотите принимать это название. И у Вас есть прекрасная цитата, кажется, в докладе, который Вы делали на Президиуме, где Вы перечисляете символы-демиурги для разных народов. Там Вы пишете об аланах, о Самачабло и т.д. Для меня это как раз те самые архетипы, которые переходят из коллективного бессознательного. Они хорошо подхватываются точно просчитанными приемами пресловутой национальной риторики. Социальное заражение просто так не происходит. Это все-таки не вирус гриппа. На самом деле что это такое? И смысл здесь не просто в аланской культуре. Это уже второй вопрос. Главное, что это архетипы или героического, или жертвенного, драматического прошлого. Это архетипы группы сплотившейся, группы действующей или группы страдающей и т.д. Тут могут быть разные моменты.

В.А. Тишков. А теперь представьте себе, что московские археологи и этнографы не раскопали аланскую культуру и не опубликовали о ней ни строчки. Этот архетип – он состоялся бы?

Г.У. Солдатова. Есть и французские ученые, которые активно этим занимались, так что все равно откопали бы. Мы все откапываем в своем прошлом то, что нам нравится.

В.А. Тишков. Как раз мой подход радикально меняет именно отношение к историческому материалу. Для вас это архетипы, которые прошли, оживились и вернулись, а для меня первичная операция этногенеза на основе археологического комплекса – большой вопрос. Была ли общеразделяемая членами одной группы аланская общность, доставшаяся на основе исторического континуума только одним осетинам? Или это одна из навязанных академических конструкций по оживлению и политизации археологии?

Г.У. Солдатова. В любом случае мне очень хотелось бы Ваше внимание обратить на существование этнического бессознательного, как подавленного или вытесненного большинством людей данной группы материала, который каждое поколение в какой-то мере разделяет со следующим. Мне кажется, что вне зависимости от подходов к построению концепции этничности нельзя не учитывать эту ее важнейшую сторону.

В.В. Коротеева. Мне показалось, что в этом докладе два жанра. С одной стороны – анализ того, что происходит в обыденном сознании, с другой – что происходит в академическом. Я понимаю, что эта грань условна, потому что представитель академической науки тоже обладает этим самым обыденным сознанием и, в свою очередь, может как просвещать широкую публику, так и поддерживать в ней предрассудки. Разница в том, как мы, ученые, относимся к обыденному сознанию и что мы делаем в академическом сообществе. Мы анализируем обыденное сознание, описывая, какие представления преобладают в нем, например, взгляды на этническую общность не как культурную, а как биологическую, пытаемся объяснить, почему. Я бы не испытывала такого оптимизма, что правильно определив этнические группы, сославшись на «представления об общем происхождении», а не на само общее происхождение, мы самим наличием нашего мнения уже преобразовываем эти общепринятые представления. Наверно, именно потому, что структуры, которые определяют эти представления, более мощные и связаны с институтами, интересами и с идеологией, наверно, наша точка зрения будет одной из возможных, существующих в этом поле. Даже в нашем институте появляются работы, где основные события истории страны объясняются тем, какой процентный состав крови у тех или иных политических деятелей страны.

Но вернемся к науке. Предполагается, что здесь мы ведем разговор на одном языке с помощью рациональных доказательств, а также, что существует согласие по крайней мере по поводу некоторых положений. Я думаю, что в число немногих

положений, которые разделяются всеми специалистами, как раз и входит идея об этничности как субъективно переживаемом, этническом сознании – как необходимом условии самого существования этнических групп. В социологии это положение было высказано М. Вебером: этническими можно назвать «те группы, которые разделяют субъективное убеждение в общности происхождения из-за сходства во внешних чертах или обычаях или благодаря памяти о колонизации или миграции. Это убеждение должно способствовать формированию группы; не имеет никакого значения, существует или нет действительная общность по крови»¹. Вряд ли серьезный исследователь сейчас будет оспаривать и то положение, что этнические группы не являются однородными, что существует множество способов определить идентичность группы и входящих в нее членов, что идет соревнование за право такого определения. Противопоставление примордиализм – конструктивизм (в других версиях – инструментализм, что не одно и то же) стало устойчивым клише в последние несколько десятилетий. Но уже не раз отмечалось, что примордиализм – та «дохлая лошадь», которую все еще пытаются хлестнуть. В примордиалисты записывают и тех, кто считает, что этнические общности – природное явление (позиция экзотическая, существующая в некоторых социобиологических построениях), и тех, кто говорит об этническом как неперменной форме групповой организации человечества, и тех, кто интересуется этническими явлениями доиндустриального общества (как, например, Э. Смит или Дж. Армстронг), и тех, кто принимает этническую идентичность всерьез (как реально существующую). Такое смещение малопродуктивно. Представление о том, что любая «социальная реальность конструируется», этом элементарном положении социальных наук, сочетается с самыми разными идеями о самой этой реальности.

Я думаю, классифицировать современные взгляды на феномен этничности можно по другому основанию: рассматривается ли этническая принадлежность как экзистенциальная, жизненная ценность или же она служит лишь инструментальным целям. Последняя позиция подразумевает на индивидуальном уровне некоторую разновидность концепций «рационального выбора» в условиях ограниченной информации, на коллективном – циничную манипуляцию этническими элитами общественным сознанием, т.е. идею «ложного сознания» масс, заимствованную от марксизма. Из текста доклада и предыдущих работ очевидно, что В.А. придерживается последовательной инструменталистской позиции. В англоязычной литературе эту точку зрения наиболее полно представляет Майкл Хехтер, пишущий об этническом выборе как стратегии максимизации богатства, власти и престижа². Наибольшие трудности у этой позиции с объяснением разнообразия человеческих ценностей и жертвенного поведения. В докладе сказано, что «Человек рождается и живет прежде всего не для служения группе/нации, а для собственного социального преуспевания» (созвучно – с «человек рожден для счастья, как птица для полета»). Что это – наукой установленная истина о смысле человеческой жизни или нормативное предписание? С этим утверждением, может быть, не согласятся люди, имеющие другие ценности. Эмоции, связанные с принадлежностью к этнической группе или нации, могут находить как прямое выражение в человеческом поведении, так и преобразовываться в поэтические, литературные, музыкальные образы, находить отклик в сердцах тех, кто их воспринимает. Должна ли наука изучать эти эмоции и как? С помощью теорий рационального выбора или «понимающей» методологии? Мне близка позиция Уолкера Коннора: «Национальные связи можно анализировать рационально, но нельзя рационально объяснить»³. Вопрос не в том, открыта ли этническая идентичность для манипуляции, а в том, если ли в ней содержание, не сводимое к манипуляции.

Мне понравилось в докладе то, что здесь показан спектр взглядов, по крайней мере западный. Хотелось бы видеть такой же разброс в позициях отечественных специалистов, какой представлен в англоязычной литературе. Если уж где-то и существует примордиализм в чистом виде, так это у Л.Н. Гумилева. Взгляды С.А. Арутюнова на значимость этнического разнообразия и субъективную ценность этнической принад-

лежности противоположны взглядам В.А. Тишкова. Ю.В. Бромлей действительно во многом сходен с Э. Смитом по своим теоретическим установкам, использованию долгой исторической перспективы, стремлению четко определить используемые понятия, схематизированному сравнительному исследованию. Это доказывает, что границы научных школ не обязательно проходят там же, где государственные.

Я не соглашусь с тем, что слово «этнос» не присутствует нигде, кроме как в работах бывших советских ученых, или шире – бывших товарищей по социалистическому лагерю. Открываешь книгу «История и этничность», и в ней статья Роджера Джаста «Триумф этноса». Статья построена на греческом материале, и действительно в греческом языке этот термин применяется – хотя больше по отношению к истории, чем к современности⁴. То же самое я могу сказать об «ethnie». Это французское соответствие слову этнос, используемое и в других языках. Почему французы редко к нему прибегают? Это можно объяснить другой традицией. Мы тут говорили о двух традициях – англоязычной и русскоязычной (советской). Кстати, понятие этнической группы как части более широкого общества отражает американский опыт. Многие французские ученые не могут произнести слово «этническое», потому что они отрицают существование этнических групп на своей территории (но квебекские ученые таких затруднений не испытывают). В докладе приведен пример, что молдавانه проголосовали в парламенте против признания гагаузов особым народом, так и французы проголосовали за то, что корсиканцев как отдельного народа нет. Существуют только иммигранты, причем к группам с отличной культурой применяется понятие «иммигранты и потомки иммигрантов». Но это уже результат особой французской идеологии, специфики строительства французской нации и якобинской традиции. Мы должны не просто брать какой-то термин из французского словаря, а соотносить его с той традицией – интеллектуальной, политической и идеологической, из которой исходят ученые.

Мне бы хотелось сказать о некоторых «трюизмах»: что национализм создает нации, а не наоборот (Э. Геллнер), что границы очерчивают культурное содержание (Ф. Барт). На мой взгляд, это не трюизм, а попытка игнорировать замкнутые объяснительные круги. Например, Ф. Барт, ассоциируемый с принципиально новым взглядом на «границы», на самом деле не смог придерживаться непротиворечивой логики и пришел к тому, что существуют некоторые базисные ценности, определяющие группу. То есть в конечном итоге не сами по себе границы, а именно удерживаемое в них содержание приводит к появлению и поддержанию обособленных этнических групп. Другое, такое же циклическое рассуждение: что первично – этническое самосознание индивида или коллективные представления группы. Такие представления могут быть или результатом согласования индивидуальных позиций или навязывания господствующего взгляда. В докладе об этом говорится: «Этническая принадлежность есть произвольно (но не обязательно свободно!) выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом/народом/национальностью/нацией (в этническом смысле)». Кем считается? Почему именно этот взгляд будет господствующим, кто способен его навязать, какие инструменты у него для этого есть, почему эта точка зрения принимается? Так надо ли прислушиваться к тому, как люди сами определяют себя, или «считать какое-либо одно из них (внешнее или внутреннее представление о группе) искусственным или навязанным представляется неверным»? Как понимать «тысячекратно употребляемую в современной научной литературе фразу, что "нации – это воображаемые общности"»? Как понимал сам автор, Б. Андерсен, т.е. как общности, не основанные на непосредственном контакте («воображенные», «imagined») или как это стало модным – в смысле нереальные, иллюзорные («воображаемые», «imaginary»)? В смысле – «это вам только кажется, что вы есть, а на самом деле вас нет»?

Таким образом, есть еще множество сюжетов, связанных с этничностью, на которые интересно было бы порассуждать.

А.Г. Осипов. У меня возникли некоторые мысли о перспективах или отсутствии

перспектив каких-то осмысленных и глубоких дебатов по теории этничности в нашем российском научном сообществе. У нас ведь так или иначе значительная часть этнографов (или этнологов, если хотите) начинает следовать стратегии догоняющего развития: концепции или представления о концепциях, взятые прежде всего из американской науки, люди пытаются применить в наших условиях. Выстраивается такая схема: есть несколько человек (их не так уж много), которые знают достаточно хорошо западную литературу и берут на себя функцию популяризаторов западной науки, в том числе Валерий Александрович. И делают это, на мой взгляд, хорошо. Определенная часть доклада В.А. Тишкова – это, на мой взгляд, очень удачный пример такой популяризации. Во всяком случае изложение вкратце представлений о тех концепциях, которые имеют хождение в американской науке, сделано достаточно удачно.

Но так или иначе академическое сообщество получает, конечно, искаженное представление о дебатах или идеях, которые там циркулируют. Во-первых, потому, что популяризация – это всегда упрощение, а во-вторых, и здесь об этом уже говорилось – это выпадение из контекста. Понятия попадают в другой культурный и интеллектуальный контекст и по-другому переосмысливаются или начинают использоваться без какого-либо глубокого переосмысления. И вот еще что: очень важный вопрос – вопрос престижа. Западные концепции или идеи о том, что есть западные концепции вообще или, допустим, конструктивистские концепции этничности в частности, становятся престижными по ряду причин. И одна из причин – то, о чем здесь вскользь говорилось. Конечно, люди за последние семь-восемь лет страшно устали от всего этого, скажем так, тусования на национальной почве, и все представления, которые идут вразрез с идеями так называемых «этнических антрепренеров», конечно, вызывают симпатию – сознательную или бессознательную. Вообще наши люди, и особенно молодое поколение – ориентируются на запад. Наоборот, традиции советской науки, те же варианты теории этноса в исполнении Бромлея, Крюкова, Козлова или кого угодно, они, мягко говоря, менее престижны. Но люди с западной литературой в целом знакомы плохо: по техническим причинам, или по причине плохого владения языком, или из-за невозможности часто бывать на стажировках. Получается, что представление о западной науке все равно будет ограниченным, учитывая пестроту идей, там имеющихся. Даже сложно бывает увидеть то, что можно было бы назвать школой – у конкретных людей свои идеи, свои представления, к тому же они быстро меняются.

Мы вынуждены питаться, так сказать, вторичным продуктом. У специалистов возникают комплексы и многие уходят в прикладные исследования. Я ничего плохого в этом не вижу, сам с головой сижу в прикладных работах и долго буду сидеть, но тут возникает одно на мой взгляд не очень хорошее обстоятельство, связанное с политической ангажированностью. Возникает точка отсчета, или точка отталкивания, и в таком качестве берутся идеи националистических лидеров. И мне кажется что эта полемика с ними, которая, кстати, присутствует и во многих работах В.А. Тишкова, – очень неблагоприятное дело. Какое нам собственно дело, что сказал Абдулатипов, или покойный Калмыков, или Ардзинба, так ли уж это существенно? Похоже, эти персонажи на нас действительно таким образом влияют, и это, кажется, очень сильно снижает уровень разговора. То, что появляется ощущение необходимости давать ответ на какие-то их вылазки – это, мне кажется, не очень хорошо. И наоборот, стремление предлагать политически актуальные концепции, которые, на наш взгляд, являются правильными, несет в себе элемент провокации, на каком бы уровне они не выдвигались. Идея той же гражданской нации провоцирует каких-то деятелей резко возражать против предполагаемой деэтнизации российского общества. У той стороны больше возможностей вынести свои идеи и представления в средства массовой информации. И, собственно, имеет ли смысл гнать эту волну?

В.А. Тишков. Такая фатальность тоже не получится, это тоже не так. Мы свидетели того, как очень многое меняется в представлениях, причем в самых фун-

даментальных и на самом массовом уровне и за очень короткий срок. А уж если говорить об этнических лидерах, то они очень легко обменяли преимущества позиций крайнего национализма на некоторые, вплоть до личных материальных выгод, включая президентские самолеты и на то, чтобы в Конституции 1993 г. республики не квалифицировались как «национальные государства», а просто как «государства». Так что этот процесс не такой уж фатальный и здесь роль интеллектуальных усилий, в том числе и академических, не такая уж безнадежная. Если Вы сравните отношение к моей идее, что нам нужна политическая или гражданская нация, хотя бы представления о ней на уровне экспертизы и научных исследований, которые не исключают понятия культурной нации или этно-нации, которое было семь лет тому назад, с сегодняшним ее восприятием, то различие огромное. Тогда она никак не воспринималась, сейчас я получаю приглашение на конференцию, которая называется «О политической нации». Мы ведь не реальность меняем или отменяем, а свой словарь и политические предписания. Это нужно понять прежде всего.

В.Р. Филиппов. Я себя отношу к тому же печальному племени концептуальных маргиналов, о котором говорила Т.С. Гузенкова. Как всякий маргинал, чувствую себя дискомфортно и пытаюсь каким-то образом примирить в своем сознании противоборствующие научные традиции.

Мне импонируют многие идеи, главным адептом и популяризатором которых выступает в отечественной этнологии В.А. Тишков, в частности, мысль о том, что не стоит онтологизировать этносы как объективно существующие сообщества, отличающиеся набором устойчивых характеристик. И когда, если не ошибаюсь, в 1989 г. вышла брошюра с эпатажным названием «Да изменится молитва моя», я воспринял ее с известным энтузиазмом: нам вроде как разрешили инакомыслить. С другой стороны, меня многое сбивает с толку и в обсуждаемом докладе, и в других работах В.А. Тишкова. Я просматривал свои выписки и, к сожалению, не смог установить авторства (то ли Тишков, то ли Андерсен!) мысли о том, что этносы – это интеллектуальные конструкты, которые создаются учеными для того, чтобы было легче типологизировать, упорядочивать этнические реалии...

В.А. Тишков. По-моему, это мое.

В.Р. Филиппов. Так вот, вопрос, как мне кажется, в том, чьи это «интеллектуальные конструкты», где они формируются? В голове этнолога или в голове этнофора, этой самой «горошины в мешке»? Вот где камень преткновения! Как мне кажется, этнос – это прежде всего люди, индивиды с определенной этнической самоидентификацией, это «коллектив единомышленников». И в этом смысле он вполне объективен. Другое дело, какими характеристиками это суммативное множество этнофоров обладает? Все те «объективные» признаки этноса, которые назывались советскими учеными от И.В. Сталина до Ю.В. Бромлея, не имеют собственно этнической природы и, как мне кажется, служат вполне универсальным способом описания любой социальной общности. А единственный собственно этнический критерий – этническое самосознание – субъективен.

Примечания

¹ Weber M. Economy and Society. Berkeley; Los Angeles; London, 1978. V. 1. P. 389.

² Hechter M. Rational Choice Theory and the Study of Race and Ethnic Relations // Theories of Race and Ethnic Relations. Cambridge, 1986.

³ Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Pennsylvania University Press, 1994.

⁴ Just R. Triumph of the Ethnos // History and Ethnicity. L., 1989.

Современное человеческое общество сталкивается со множеством проблем, от решения которых в значительной степени зависит нормальное развитие всего вида Homo sapiens. Одной из таких проблем, создающих реальную угрозу будущему человечества, является рост алкоголизма и наркомании. Борьба с этим всемирным злом требует совместных усилий многих наук, комплексных подходов и методов исследования, синтеза обширного опыта, накопленного не только медициной, но и всей системой наук о человеке.

В связи с этим представляет интерес точка зрения на эту проблему директора НИИ адаптации человека Е.А. Брюна, изложенная в публикуемой ниже статье.

Редакционная коллегия

© 1998 г., ЭО, № 1

Е.А. Брюн

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА В АНАЛИЗЕ НАРКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

В настоящее время потребление психоактивных веществ, в частности алкоголя и наркотиков, достигло таких масштабов, что можно говорить о пандемии заболеваний, связанных с зависимостью от психоактивных веществ. Причем это процесс общемировой, и в последние 50 лет он имеет тенденцию к неуклонному расширению. Почти тотальное потребление психоактивных веществ, не достигающее клинического уровня, заставляет предположить наличие некоей всеобщей закономерности, присущей человеку. И в обыденной жизни, и в случаях заболевания употребление психоактивных веществ вызывает психические (а точнее, психосоматические) состояния, ради которых, собственно, оно и осуществляется. Следовательно, стремление к этим измененным состояниям сознания является и первопричиной, и конечной целью употребления психоактивных веществ.

Поскольку алкоголизмом и наркоманиями заболевают далеко не все, то неболезненное потребление психоактивных веществ (так называемый наркотизм) при его всеобщем характере является неким самостоятельным феноменом, который имеет свои глубинные причины в самой природе человека, в экологической ситуации, в социокультурной среде, т.е. во всех этих факторах, находящихся в неразрывном единстве.

Когда мы говорим о наркотизации, то подразумеваем, что человек потребляет те или иные химические вещества растительного, животного или искусственного происхождения. Вместе с тем психическое состояние может кардинальным образом меняться и другими способами. Именно поэтому в круг нашего рассмотрения следует ввести не только психоактивные вещества, но и психоактивные действия, например вызывание гипоксии головного мозга (голотропное дыхание по Грофу), гипноз, спорт, секс, ритуалы, искусство, массовые общественные действия, а также, возможно, и «психоактивные мысли» – ассоциации, воспоминания, сновидения, которые самопроизвольно возникают в сознании человека. В еще более широком смысле любое воздействие на психическую сферу в процессе восприятия и интериоризации потока информации модулирует то или иное психическое состояние. Иными словами, человека нельзя рассматривать вне психоактивных воздействий. Отсюда мы можем сделать